

УДК 821.51

Е.В. Косинцева

Образ Маргинала в хантыйской прозе

Аннотация. Образ Маргинала в хантыйскую литературу вошел вместе с художественным методом деревенской прозы. Образ Маргинала получил развитие на страницах произведений Е.Д. Айпина и Р.П. Ругина. Герой-маргинал противопоставлен герою-праведнику. Концепция маргинальности в хантыйской литературе включает культурную и социальную маргинализацию, что логически ведет к конфликту поколений и изменениям культурно-религиозных и мировоззренческих взглядов героя. Чаще же маргинальность героя в хантыйской прозе связана с изменениями среды бытования.

Ключевые слова: образ Маргинала, деревенская проза, художественный метод, хантыйская литература.

E.V. Kosintseva

The character of Marginal in Khanty prose

Summary. The character of Marginal came to Khanty literature together with the artistic method of village prose. The character of Marginal was developed on the pages of works of E.D. Aipin and R.P. Rugin. The Hero-marginal opposed to the hero-righteous. The concept of marginality in Khanty literature includes the cultural and social marginalization that logically leads to the conflict of generations and changes in cultural-religious and world outlook views of the hero. More often, the marginality of the hero in Khanty prose is associated with the changes in the existence's environment.

Keywords: the character of Marginal, village prose, artistic method, Khanty literature.

Справочные издания определяют понятие «маргинал» как вольно трактуемое, которое используется для «обозначения человека, чье положение в обществе, образ жизни, мировоззрение, происхождение и т.п. не вписываются в общую массу. Таким же термином именуют субъекты общества, утратившие свои функции, но еще числящиеся как исполняющие их. Индивидуальная маргинальность характеризуется неполным вхождением индивида в группу, которая его полностью не принимает, и его отчуждением от группы происхождения, которая его отторгает как отступника. Индивид оказывается «культурным гибридом», разделяющим жизнь и традиции двух и более различных групп» [1].

Е. Сергеев пишет: «Маргинальность рассматривалась как побочный продукт аккумуляции, процесса воздействия друг на друга двух культур. Маргинальный человек живет в двух мирах одновременно <...>, что вынужда-

ет его принимать ценности и нормы обоих миров. <...> В 40-60-е гг. проблема маргинальности стала рассматриваться шире как конфликт культур. Э. Хьюз отмечал, что маргинальность имеет место там, где происходит социальное изменение и формируются группы, не имеющие определенной социальной идентификации, что сопровождается разочарованием (фрустрацией), расхождением личностных или групповых стремлений. Хьюз выделил так называемые переходные фазы, которые связаны с переходом людей от одного образа жизни к другому, от одной культуры и субкультуры к другой. Маргинальность для него – это идентификация человека с двумя статусами или референтными группами. Дж.Б. Манчини выделил три концептуальных направления в изучении маргинальности: культурное, структурное и ролевое. Культурная маргинальность относится к процессам кросс-культурных контактов и ассимиляции. Ролевая маргиналь-

ность возникает в случае неудачного соотношения себя, своего социального положения с позитивной референтной группой; с выбором такой роли, которая содержит в себе элементы двух ролей и т.д. Структурная маргинальность описывает случаи политического, социального и экономического бессилия лишенных избирательных прав (или поставленных в невыгодное положение) групп внутри общества. <...> В России о маргинальности заговорили в начале реформ. Как правило, термин употреблялся с негативным оттенком, поскольку маргинальность отождествлялась с антиобщественными объединениями, с перевернутой системой ценностей. За последние годы семантика термина «Маргинальность» в отечественной литературе существенно изменилась, исчезло негативное отношение к этому понятию, которое рассматривается как понятие, обозначающее неустойчивость положения личности в контексте социальных изменений» [2].

Среди маргиналов могут быть этномаргиналы: национальные меньшинства; биомаргиналы, чье здоровье перестает быть предметом заботы социума; социомаргиналы, как, например, группы, находящиеся в процессе незавершенного социального перемещения; возрастные маргиналы, формирующиеся при разрыве связей между поколениями; политические маргиналы: их не устраивают легальные возможности и легитимные правила общественно-политической борьбы; экономические маргиналы традиционного типа (безработные) и так называемые «новые бедные»; религиозные маргиналы – стоящие вне конфессий или не решающиеся осуществить выбор между ними; и, наконец, криминальные маргиналы; а возможно, еще и просто те, чей статус в социальной структуре не определен [3].

В хантыйской литературе образ Маргинала появился вместе с художественным методом деревенской прозы. Именно индивидуальная маргинальность стала визитной карточкой героев-маргиналов в прозе Р.П. Ругина и Е.Д. Айпина.

Традиционно в деревенской прозе выделяют героя-маргинала, который противопоставлен герою-праведнику. Концепция маргиналь-

ности определяется разрывом героем связей с домом, нарушением культурных традиций, отчуждением того уклада жизни, который был обусловлен этническим типом хозяйствования. Исследователи феномена маргинальности в деревенской прозе сходятся во мнении, что в отношении героя деревенской прозы понятие «маргинальность» используется в своем изначальном значении – пограничного положения личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающего определенный отпечаток на ее психику и образ жизни. Человек, балансирующий на границе между двумя социальными мирами, но не принимаемый ни одним из них в качестве его полноправного участника, определяется как маргинальный.

И.В. Новожеева в своем исследовании подчеркивает: «Концептуально значимым качеством, свидетельствующим о маргинальности персонажа, является отсутствие чувства дома, соотнесенности со своим родом» [4, 165]. Говоря о герое-маргинале, исследовательница выделяет: «Такой герой знаковый для деревенской прозы, он воплощает идею бесплодности городской почвы, где уничтожаются корни и, как следствие, происходит отчуждение от христианской традиции и извращение естественной, природной нравственности. <...> В характере героя, оторвавшегося от рода, деревни, происходят настолько существенные и значительные изменения (прежде всего в нравственно-этическом плане), что он выпадает из рамок культурной традиции, к которой принадлежит. Персонажей, выпавших из деревенского хронотопа, отличает не сложившаяся и неустроенная <...> судьба <...>, отсутствие традиционной цельности характера, а также наличие духовной эрозии» [4, 164-166].

Концепция маргинальности включает следующие типы: человек, оторвавшийся от рода, усвоивший городскую психологию, или находящийся между деревней и городом, который не врос корнями в город; и человек, который остался в деревне, но не ощущает с ней духовного родства, у которого разрушена нравственная сторона жизни. И тот и другой тип встречаем на страницах произведений хантыйских прозаиков Р.П. Ругина и Е.Д. Айпина.

В хантыйской литературе к этому образу можно отнести главного героя повести Е.Д. Айпина «В ожидании первого снега» Микуля Сегильетова. Надежду на то, что тайга вернет героя в отчий дом, видим в повести Е.Д. Айпина. Микуль Сегильетов – молодой охотник, внук знаменитого медвежатника Каванх-ики из селения Ингу-Ягун. Микуль отрекся от древнего промысла и «землю предков – священную землю – дырявить станет» [5, 16]. Он ушел работать на буровую. Окончив восемь классов и оставшись главным кормильцем семьи после смерти отца, Микуль поддерживает бабушку, мать и трех сестер. Односельчане осуждают решение Микуля: «Ворчали старики. Вдыхали седобородые старики» [5, 16]. Но у Микуля были свои планы, он думал наперед, что если найдут нефть, то вся живность может вымереть, а охотники будут вынуждены идти к нефтяникам, просить работы.

Когда Микуль пришел впервые на буровую, то «к нему бросилась свора разномастных собак, они словно учуяли в нем охотника: не рычали, а ластились, норовили лизнуть лицо» [5, 19].

После не самого удачного, по его мнению, знакомства с работниками буровой, Микуль подумал: «Что-то я много болтаю... Обидел человека – это плохое начало. В тайге удачливей начинал всякий сезон...» [5, 21].

Постепенно Микуль начинает находить общий язык и взаимопонимание со своей бригадой, но многое вызывает отторжение в герое. Прежде всего, это неразумное обращение с природой: «Вечером Микуля, одуревшего от грохота и крепкого духа буровой, потянуло в тихий сосновый бор – отдышаться и прийти в себя. Но его остановил завал, да еще какой завал! В жизни таких завалов в тайге не видывал! Озадаченно топтался возле огромного, в два обхвата, пня унцых ики. Большой и тяжелый пень бульдозер вырвал с корнями из земли и приволок к высокому завалу из покореженных и расщепленных сосен. Приволок, да, видно, не сумел закинуть наверх, сил не хватило. Вот и оставил тут, чуть вдавив в завал. Тело Старика, разрезанное на куски, белыми ссадинами выглядывало из нагроможденных сучьев, стволов и оранжево-темных корневищ. Сосны,

что помоложе, вырваны с корнями, и машина вместе с ягелем сгребла их и присыпала песком. Потом бульдозер еще не раз прошел по площадке, собирая обломки сучьев, сосновую хвою, кору» [5, 28-29]. Или эпизод, повествующий об истреблении молодняка таежных животных собаками с буровой, отражает душу радивого охотника – защитника леса: «<...> не прошло и недели, как Микуль молча положил на стол Кузьмича двух полумертвых окровавленных лисят. Мастер невесело покосился на своего трехмесячного, черненького, без единого белого пятнышка щенка Чомбе, который спасался от комаров под столиком с рацией. И теперь хозяин без слов хотел убедить всех, что его щенок здесь ни при чем. Затем он перевел взгляд на Гришу Резника, тот сказал, что давно уже вырыл яму-нору, а за других он не ответчик. Но тут выяснилось, что почти все собаки на буровой – без хозяев. Чуть ли не каждый, кто приезжал на буровую, привозил с собой пса, а когда увольнялся, обратно не забирал, оставлял его здесь. Вот и развелось их...» [5, 51].

В. Огрызко в статье «Чувствовать чужую боль» заметил: «Неоднозначно складываются и отношения героя с нефтяниками. У бурильщика Микуль учится обращению с техникой. А бригада, видя, как для новичка, пришедшего на буровую с таежных урманов, все проявления природы звучат с прописной буквы, пробует с его помощью уловить и прочувствовать голоса тайги. Нефтяники извлекают из общения с Микулем свои уроки: уроки подлинно человеческого отношения ко всему живому. Один из критиков даже подметил, что Микуль стал как бы «экологической совестью» бригады» [5, 5].

Незначительные изменения в укладе жизни, в отношении буровиков к миру природы, в который они вторглись, – это заслуга героя, который сам не вернулся отчий дом.

Этот тип героя пытается подстроиться под изменившийся мир, при этом не теряя душевных качеств и сохраняя функцию защитника мира, природы, земли, древних традиций. Эта двойственность героя ведет к исканиям. Он способен обостренно чувствовать боль земли, что подчеркивает сохранившуюся в герое связь

с культурной традицией этноса, ощущающего кровную связь с землей, на которой живет (эпизод с собаками буровой, эпизод с убитым стариком и др.). Об этой связи Е.Д. Айпин писал в повести «Я слушаю землю»: «Я взглянул на свою маму. И мне пришла мысль: моя мама чувствует боль Сидящей матери, боль Земли. Если и не до каждого человека доходит эта боль, то моя мама наверняка чувствует ее. Когда она острием топора задевала Землю, я видел на ее лице боль. И я спросил:

- Мама, а ты чувствуешь боль Земли?

Она внимательно посмотрела на меня, помолчала немного, затем сказала тихо, в раздумье:

- Может быть, иногда и чувствую...

Тогда мне еще неведома была чужая боль. Позже размышляя об этом, я понял, что корень всех корней жизни находится на Земле. Корень дерева, само дерево, плоды дерева, жучки-паучки, звери и птицы, человек... Все взаимосвязано, все держится на одном корне, и корень этот уходит в Землю. И поранивший Землю поранит и корень всех корней. И замахнувшийся на корень, прежде всего, замахивается на себя и на человечество. Но боль изначальную чувствуют очень немногие, а конечную – почти все. Ибо каждый замах потом обязательно откликнется...» [5, 158-159]. Сородичи Микуля надеялись, что герой разочаруется и вернется домой, что инстинкт таежника позовет его в родные урманы, и даже определили срок – до первого снега, но надежды их оказались напрасны. Буровая прочно приворожила к себе героя.

На путь маргинальности ступил и еще один герой Е.Д. Айпина – Костя Казамкин, один из главных персонажей рассказа «Последний рейс». Сын охотника, после школы он промышлял с отцом одну зиму, а затем пошел на курсы мотористов, воплощая детскую мечту о кораблях: «Ох, как тянуло тогда на сильные и быстроходные катера, что сновали по таежным рекам. Снился ему белый катер-красавец с мелодично поющим двигателем» [6, 10]. Природная сообразительность коренного жителя тайги помогла герою быстро освоиться на катере, помогала безошибочно угадывать русло – избегать отмели и коряг. Капитан корабля сказал,

что выбрал Костю потому, что «<...> совесть добрая, как у хорошо отлаженного двигателя. <...> Зазря не обидишь человека, не умеешь пакости делать...» [6, 12]. Костя очень быстро разочаровался в катерах: «<...> река быстро наскучила однообразием: плоты и баржи вниз и вверх по течению. Все рейсы одинаково скучные и нужные – разве с тайгой сравнишь?!» [6, 10].

Первая же навигация стала и последней для героя, поскольку помогла ему осознать свое место и роль в жизни: тайга – это его дом и место обретения свободы: «И в это утро, на рассвете, когда увидел ондатру в курье, понял, что тайга потянула его обратно на промысел зверей и птиц. Потянула, потянула решительно» [6, 10]. Навигация научила героя разбираться в людях. Наглядным примером жизни стал для героя капитан Буркин: «Костя давно замечал, что никто не задерживал взгляд на лице капитана: высокие старались смотреть поверх его головы, низкие же упирались глазами в его грудь. Костя же, поскольку был одного роста с капитаном, научился, не отводя глаз, не видеть его лица. <...> Но когда долго смотришь на его лицо, на душе становится тоскливо – человека охватывает необъяснимое беспокойство» [6, 10].

Айпин в рассказе противопоставляет капитана и Костю. И здесь писатель использует принцип – глаза отражают душу, поэтому по глазам капитана Костя угадывает намерения последнего: «Редко оживают его глаза – значит, что-то задумал, соображал Костя» [6, 10]; «Водил дружбу с егерями и рыбинспекторами, которых он частенько на катере угощал разными напитками. <...> Словом, самый обыкновенный капитан. Только вот к его бесстрастному лицу Костя никак не мог привыкнуть» [6, 10].

Дух защитника природы силен в Косте, поэтому он понимает, что «<...> неспроста пушкото купил, подумал Костя. И сети выходит, не зря припас для последнего рейса. Напоследок похозяйничать решил в низовье. И он впервые почувствовал острую неприязнь, почти ненависть к своему капитану и неосознанно отодвинулся от него. Он невольно насторожился и боковым зрением следил теперь за Буркиным, словно тот собирался напасть на него с новой «пушкой» [6, 12-13].

Древние традиции не позволяют герою небрежно относиться к природе или отдельным ее представителям. И это видно в диалоге героев об охоте на медведя: «- Хоть мишку косялапного – одним выстрелом уложу! Потому как всякое зверье предо мной страх чувствует. Возьми того же мишку – силен, а боится меня!

- Да не боится он, – вступился Костя за медведя.

- Ха-ха, не боится?!

- У него нрав нелюдимый, не любит зазря встречаться с человеком...

- Во-во, через страх и не любит человека! – упрямился Буркин.

- Не-е, это не так...

- Вот ежели я бы с кулаками ходил по лесу, так он и не стеснялся бы встречи со мной! – разглагольствовал Буркин» [6, 11].

Постепенно Костя осознает, что меркантилизм и жажда наживы руководят действиями капитана: «Знаешь, лес уже не в цене. Лес это что утлая лодчонка в луже, а нефть – это сила! Почему все на нефть перекинулись? Нефть это как крейсер, который любой океан переплывет! <...> Все сейчас плывет нефтяникам, все для них! <...> Опять же бабки им отваливают не считая!...» [6, 13].

Действия капитана постепенно исчерпывают лимит терпения героя: «Словно в его душе вот-вот должна лопнуть важная и очень нужная струна, без которой жизнь станет бессмысленной и глупой» [6, 15]. Он понимал, что именно последний рейс может поменять его жизнь навсегда, от тех иллюзий, которые скрывались под маской «светлого будущего», не осталось и следа: «Маялся Костя, не находил себе места. Терзало предчувствие неминуемой беды. Рано или поздно столкнется лоб в лоб с капитаном. И от того, как он поступит, во многом будет зависеть его жизнь, иногда ему казалось, что от этого будет зависеть жизнь и реки, и тайги, и всего его маленького народа ханты. А что он сделает в решающую минуту – он еще не знал. И это еще более тяготило и томило его душу» [6, 15].

Костя принял решение – вынул пулю из ружья, спасая и лося, и себя: «Мысли его устремились в тайгу, куда еще не добрались пока ни Буркины, ни катера и баржи, ни поселки вре-

менщиков – лесорубов и нефтяников. Пока все не уничтожили, не загадили, иди, протаптывай охотничьи тропы и дороги, распутывай звериные следы, до одурения вдыхай чудный запах свежих снегов и зеленой тайги. Иди, спеши...» [6, 18]. Герой делает свой выбор, возвращаясь к истокам мира, из которого вышел.

Маргинальный тип воплощается и в герое рассказа Е.Д. Айпина «Лебединая песня». Дима – сын охотника. Учится в городе, на осенних каникулах привозит в таежную заимку свою девушку Марину. Они гостят у деда Архипа и бабки Дарьи. Айпин показывает, как город изнежил молодого охотника, убил в нем чувство прекрасного:

«- Вставай, охотник!

- Тут тебе не город, вставай! – тонко вторит ему бабушка Дарья.

- Привык в городе-то...

- Звери-птицы далеко уйдут.

Дима мгновенно проснулся и тотчас же встал, зная, что дед не любит, когда нежатся в постели. Он поглядел в окно, чтоб узнать, какая погода. Его румяное ото сна лицо с тонкими правильными чертами и чуть-чуть раскосыми глазами ожило» [6, 51].

Городская жизнь уничтожила в герое уважение к старшим, притупила его чувства: «- Такое солнце! Хочешь на охоту, дедок, а?!

Старик только махнул сухой кистью: не болтай, мол, вздор, я уже отходил свое. Потом сказал потише:

- Чо кричишь, как ворон?

- А что?

- Марину разбудишь» [6, 51].

Сделался он глух и к голосу природы:

«- Слышал лебедей? Не приснились?

- Лебеди? Какие лебеди?

- На озере... Утром рано...

- А-а. Я ведь сплю как бурундучок!..

- Знаешь, Дима, я, кажется, понимаю их...

- Ну, ты фантазерка, оказывается! – перебил он. – Скоро разговаривать начнешь с ними.

Девушка промолчала» [6, 52].

В рассказе есть эпизод, который показывает, что и чувства к Марине в герое не глубоки, нет и ответственности за девушку, которая первый раз оказалась в тайге: «<...> как-то и Марина ходила с ним на охоту. Наткнулась на выводок рябчиков. Охотник так увлекся, что

позабыл про свою спутницу. Когда спохватился, едва разыскал ее. Больше с ним она не ходила» [6, 52].

Марина осознает достоинства и недостатки в характере Димы: «- Видеть хочу... лебедей!

Дима подавился дымом сигареты и закашлялся.

«Про фантазию начнет или зоопарк, – подумала девушка. – Или просто пожалеет, что взял с собой» [6, 53].

Представители старшего поколения видят, как меняется герой под влиянием города, становится другим: «Совсем тебя, видно, город попортил, ох-хот-ник!» [6, 53].

Действия Димы на прогулке к озеру с лебедями подтвердили слова деда Архипа. Герой очерствел, для него инстинкт убивать сильнее восторженной любви к птицам Марины: «Затем в эту минорную музыку ворвалось что-то постороннее:

- Я же охотник... пойми...

- Ты... ря... ряб... ряб-чишник!» [6, 55].

Свой поступок герой пытался оправдать жаждой охотника, хотя оно больше похоже на поведение браконьера: «Марина спохватилась: легонько вытащила фотоаппарат и нацелилась на лебедицу.

Грохнул выстрел.

Из рук девушки выпал аппарат.

Шум воды. Хлопанье крыльев. Утробный стон» [6, 55].

Выстрел в лебедя поставил точку и в отношениях героев. Писатель показал путь маргинализации, которым пошло молодое поколение, и не всегда в этом виноват город, скорее это личный выбор человека. Ведь Марина, городская жительница, оказалась способной воспринимать красоту земли и чувствовать боль природной среды.

Герой-маргинал оторван от корней, город поглотил душу жителя деревни, поэтому забываются наставления отцов, древние законы предков, потребительским становится и отношение к матери-природе. В творчестве другого хантыйского прозаика Р.П. Ругина этот тип воплощает Микипур – главный герой рассказа «Три шкуры».

Микипур – шофер в Лабытнангах, во время прохождения службы в армии получил права

на вождение, а потом его пригласили на работу строители газопровода. Друзья по интернату говорили: «У Микипура язык впереди мыслей на семь поворотов реки» [7, 421]. Микипур – человек семейный. Его отец участвовал в Великой Отечественной войне, где получил ранение. О тех временах отец рассказывает скупое, а напоминанием о пережитой трагедии служит медаль «За оборону Москвы». Родители остались жить в поселке и сын редко их навещает. В поселке остался и друг детства Унтари. Они вместе учились в школе, вместе пошли служить в армию, но только «Унтари потом вернулся в родной поселок и осел там» [7, 422]. Унтари не раз обращался к Микипуру с просьбой помочь перебраться в город: «Унтари теперь вот, в своем поселке выучился на тракториста, спрашивал прежнего дружка: нельзя ли устроиться на работу в их стройуправление? В совхозе ему надоело, хотел бы он тоже, пока не оженился, перебраться в Лабытнанги» [7, 422].

Ругин показывает, как трансформируется герой, как меняется его система ценностей, жизненных ориентиров под влиянием окружения в условиях городского бытия. Так, Микипуру важно одобрение начальника: «Заинди Жадиевич любит расхваливать шофера своего «уазика». Иногда и похлопает по плечу совсем не начальственно, а по-товарищески просто: «Молодец ты у меня! Джигит! Настоящий джигит!..» [7, 420]; «Слово сдержал! Вчера ведь начинало казаться: опростоволосился! провалился! Не слово того самого джигита, каким называет его Заинди Жадиевич, а пухперо утиное, которое во время летней линьки птицы здесь над глухими протоками, дальними озерами гоняет ветер» [7, 420]; «Микипур слегка скинул газ, на тормоза чутко надавил и этак неторопливо, небрежно (хотелось, говоря словами самого Заинди Жадиевича, пощекотать начальника) бросил:

- Ну, скажем, медвежью шкуру...

- Медвежью? Шкуру? – Заинди Жадиевич усмехнулся. И словно сразу потерял всякий интерес к Микипуру: не почитаемый им шофер, не товарищ рядом, а так, дурачок дурачком. – А ты поди, убей медведя. Сними шкуру. Может, пока снимать будешь, он с тебя три снимет. С головой вместе. С потрохами. А? –

И Заинди Жадиевич даже засмеялся» [7, 422]; «Всего этого, конечно же, не мог знать Заинид Жадиевич, так весело обсмеивавший своего шофера.

- А почему убить? – хмуро спросил Микипур, показывая, что слегка обиделся на Заинида Жадиевича, которого бесконечно уважал, можно даже сказать, любил. – А если шкуру... достать?» [7, 423].

Микипуру важнее выполнить просьбу своего иноземного начальника, чем соблюдать древние традиции предков: «Отец слушал внимательно, настороженно. Поняв, что сын приехал совсем не за рыбой, а чтобы забрать принадлежащее Логину, долго молчал. Затем осуждающе посмотрел на Микипура:

- А зачем тебе апсие сахал? Разве это игрушки?

- Да не мне, отец. Начальнику моему.

- Хм. Начальнику. Пусть сам бы и ехал. Искал себе, если понадобилось. Небось, ружье-то у него есть. Теперь у всех ваших начальников ружья да карабины.

- Так это же подарок, отец. Сувенир необычный...

- Подарок... Сувенир... Вот подкараулит тебя где-нибудь на таежной тропе твой братец. Помнет бока. Покажет, что он не сувенир. Умнее будешь. Или забыл, как народ его величает? Сот хоятпи ляль – зверь, имеющий силу ста лучников!

- Ну, отец, пойми меня. Обещал я. И притом же я, отец, не даром. Заинди Жадиевич за них все, что нужно, отвалит. Доски, краски нужны – завтра же тебе доставят. Деньги нужны – пожалуйста. Сто рублей за них дам. Сто!» [7, 425-426].

Стремление Микипура заполучить шкуры показывает, что материальные ценности доминируют в герое над духовными: «- Если так, сынок, тропа разговора оборвется на этом. За деньги вздумал! За деньги ты и шерстинку мойпара в мешок не положишь! Я еще не лишился ума, чтобы шубу мойпара за деньги продавать! Кой!

- А почему не хочешь, отец? Они все равно у тебя в сарае пылятся. Сгниют напрасно.

- Так это его, мойпара, дело. Исстари так заведено. Сами по себе и кончатся. Рассыплются.

Сами. Не то, что у твоих начальников. Бросят на пол и топтать будут. И мужчины, и женщины особенно. Грех! Тьфу! – Он сплюнул в сторону. – Да чтобы я мойпару такое наказание приготовил! Что он мне плохого сделал? Нет! С такими мыслями подальше отплывай. Не пойдет дело...» [7, 426]. Ругин транслирует конфликт поколений, рожденный традиционным мировоззрением и сознанием городского жителя, конфликт между естественным человеком и маргинальным.

Главный герой отделяет себя от родителей и народа, поэтому и уверен, что можно сыграть на родительских чувствах для достижения цели: «Приехали, значит, а тут у берега – теплоход. Тот самый, который военным генералом называют. Туристов еще развозит.

- «Генерал Куйбышев»?

- Вот-вот. <...> Пристали, понимаешь ли, мы с Паялом к берегу, а тут туристов! <...> Меня и облепили. Девушка на ветеринаршу Кляйн похожая, только в розовых штанах, в сапожках диковинных, ко мне подошла. «У вас, добрый дедушка, есть шкуры. Вы их должны уступить!» Ах, ты, думаю, сорока-сплетница! <...> Да зачем я только этого Унтари болтливого тогда пригласил помочь мне переезжать в новую избушку!

«Унтари-то при чем! – хотел вскричать Микипур. – Это просто-напросто была нахальная туристка. Увидела безграмотного ханта и – пристала!» [7, 444].

В герое поражает изворотливость в стремлении заполучить желаемое, видно и отношение сына к родителям: «Необычная собранность отца, сердито-неприступный взгляд щурившихся глаз сказали Микипуру, что с ходу его не взять, нужен какой-то иной, окольный путь. И Микипур начал лихорадочно соображать, что бы такое придумать, чем можно переубедить старого. Рыбой, переполнившей мотню невода, забурлили его мысли. И, кажется, он нашел тот довод, который бы произвел впечатление на Семана» [7, 426]; «Нет, трудно было сладить с суеверным стариком. И хотя Микипур сам не знал, где будут держать Заинди Жадиевич и начальник главка медвежьей шкуры, он решил идти до конца и принялся врать» [7, 427]; «Семан засомневался, и Микипур,

словно река в половодье, все напиральная и напиральная на только что тронувшийся лед, наседали на отца» [7, 427].

Обман стал второй натурой Микипура, этому он учит и своего друга Унтари: «Ты действуй просто, – поучал Микипур слабовольного друга. – Скажи, что Микипур за тебя из всех сил старается. Место обязательно найдет. Квартиру тоже. Будете переезжать, и сразу телевизор можно устанавливать. Только скажи, квартира там у них, в первую очередь, семейным дают. Да еще у которых дети. Женись! Ребятишками обзаводись! Совхоз и сейчас Любке, как молодому специалисту, отдельный домик предлагает. Берите домик. Якобы пока. До переезда в Лабытнанги. Дядюшка Кляйн вам его отделает по лучшему разряду. А потом, годика через два, посмотришь, согласится ли твоя королева свое положение на должность технички в горкомхозе менять!

- Правильно! – заразился этими мыслями Унтари. – Обманом Любку! Она нам потом спасибо скажет. Будем готовить свадьбу!» [7, 438-439].

Отец Микипура Семан видит, как изменился сын, но сила отцовской любви сильнее: «Нехороший ты человек... Когда таким вырос! – И, чувствуя, что сын не понимает его, объяснил: - Если шубу братца нельзя мять чужими руками – душе братца от этого тяжело, то разве чужую душу можно мять так запросто, из-за ничего? Такими расспросами! Ну, и пусть Кляйн не тот немец, который на меня из-за избы выскочил. И даже не брат его и не друг. Пусть даже он из тех, которые еще при царицах (ой, ой, как это давно было!) твоими колониями под Омском устроились. Так зачем же его донимать: ты откуда? Да здесь почему? Может, это ему скребком по душе. Захочет рассказать – сам расскажет... А мять да скоблить мойпару ему не дам» [7, 437].

Жадность и меркантилизм, сформированные в герое новой жизненной средой, видны в эпизоде в доме Паяла, друга отца главного героя: «Вот, – сказал Паял. – Стало быть, две верхние шубы твои будут.

- Ой, спасибо, Паял-Аки! А может быть, уж три? – сказал Микипур. – Двух все равно не хватит!» [7, 458].

Дружеские и добрососедские отношения, которые длятся уже на протяжении не одного десятка лет, между Семаном и Паялом – это контрастный пример тем отношениям, которые существуют в новой среде обитания Микипура.

В диалогах старых друзей слышится боль за уничтоженную родную реку, за погубленный бездумно лес, за разрушенную гармонию между человеком и природой, землей. Паял рассказывает про начальника лесорубов Григория Хитрука: «И петь и плясать... Душа-человек. С таким у костра или вот здесь, в избе, приятно посидеть. А работа... Всю речку испакостил» [7, 465], «Знал я, что он оттуда же, где и ты сейчас. Сразу видно. Микипур задумался: «Почему – сразу видно?» [7, 467].

Только столкнувшись с последствиями своих действий, к Микипуру приходит осознание надвигающейся большой беды на родной край, к которой причастен и он сам. Выделка медвежьих шкур стала метафорическим воплощением приведения в норму и «шкур» самого Микипура: «<...> Микипуру тоже хотелось присесть. Он чувствовал, что за эти дни устал непривычной для себя усталостью и ночью, мучаясь ломким, неглубоким сном, не снимавшим мышечных болей, не отдохнул. Присесть бы! Но почему-то рядом с насупившимся недружелюбно и враз состарившимся своей истинной старостью Паялом он сесть не мог. Стоял перед ним» [7, 467]. В конце произведения герой оказался с выделанными шкурами в сумке, но и сам герой, хочется надеяться, изменился. Традиционно Ругин поставил в конце многоточие.

К концепции маргинальности обращается Ругин и в повести «Сорок северных ветров». Реализация этой концепции просматривается в противопоставлении героев – Арсина и Юхура, один из которых – это тип героя-праведника, а второй – героя-маргинала. Дополняет концепцию открытый протест Таясь против древних законов народа, нарушение вековых традиций. К.И. Галаутдинова пишет: «Наряду с темой любви, семьи Ругин затрагивает проблемы нарушения традиций, обычаев. «О чем ты, отец? Какой же позор, если я выхожу замуж за любимого человека? <...> Чуть

ли не полселения собралось на берегу, когда они приехали в Порават. Прибежал и Юхур <...> - А ну, убери лапы, изверг! Ничего он не уворовывал, сама к нему пришла, когда ты меня перед всеми опозорил. Ты мне теперь никто, и я тебе тоже!.. А Таясь, взяв Арсина за руку, шла с ним к дому его родителей с гордо поднятой головой, без платка – она первой в их селении нарушила вековой обычай, по которому женщина не имеет права появляться на улице с открытым лицом...» [7, 448]. Судьба, как бы в наказание за нарушенные традиции, лишает их детей. Природа как будто чувствует и отрицает те изменения, которые появляются в сознании человека, в укладе жизни» [8, 18].

По натуре Юхур мелкая личность с оскудевшей совестью с утраченным достоинством, с наличием духовной эрозии, с эгоистическим своекорыстьем. Он несчастлив сам и делает несчастными всех, кто его окружает. Он нарушает общечеловеческие законы и законы предков. Завистливый характер, меркантилизм, злопаметность, тщеславие приводят героя к взлету (бригадир, председатель) и падению, которое заканчивается алкоголизмом и недобросовестным исполнением служебных обязанностей (эпизод с оленьим стадом). Этот герой сам отошел от среды, к которой принадлежал, но и новые изменения не дали реализации тех планов, которые он строил.

Если учесть, что маргинальность включает отступление от культурных традиций, нарушение вековых законов народа, то можно говорить и о концепции маргинальности в произведениях Ругина «Сватовство», «Погоня», «Гул далекой буровой», «В ожидании сына».

В статье «Специфика мироощущения народов Севера и ее художественное воплощение в

творчестве Р. Ругина» Н. Цымбалистенко пишет о том, что в период зрелости «идейно-мировоззренческие акценты творчества Ругина меняются, он приходит к осознанию ценности корней, к пониманию опасности, грозящей выживанию коренных народов Севера, и выдвигает нравственное обоснование активного протеста и защиты первозданной жизни народов. Повести Р. Ругина – в своем роде уникальное явление северной прозы. Последовательная реалистичность и обстоятельность повествовательной манеры, проникновенный лиризм и тонкая ирония сочетаются у писателя с мифолого-символическим видением мира, стремлением обозначить некие извечные бытийные законы и архетипы, определяющие драматизм судьбы современного человека» [9, 36].

Герой-маргинал – это еще один литературный тип, который вошел в хантыйскую прозу вместе с художественным методом деревенской прозы. В изображении писателей герой-маргинал оторван от корней, город поглотил душу жителя деревни, поэтому забываются наставления отцов, древние законы предков, потребительским становится и отношение к матери-природе. Реализуемая писателями (Р.П. Ругин, Е.Д. Айпин) концепция маргинальности включает отступление от общечеловеческих законов, принятие условий бытования новой среды обитания, а также временное погружение в новую среду и отторжение ее законов, путь внутренних трансформаций героя (чаще всего нравственных), четкое противопоставление героя-праведника и героя-маргинала, культурную и социальную маргинализацию, что логически ведет к конфликту поколений и изменениям культурно-религиозных и мировоззренческих позиций героя.

Литература

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki> [Электронный ресурс] (дата обращения: 19.07.2012).
2. Сергеев Е. Маргинальность // Философская энциклопедия // <http://dic.academic.ru> [Электронный ресурс] (дата обращения: 19.07.2012).
3. <http://www.univer5.ru> [Электронный ресурс] (дата обращения: 19.07.2012).
4. Новожеева И.В. Концепция человека в деревенской прозе 1960-1980-х годов: по произведениям В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина. Дис. ... канд. филол. наук. Брянск. 2007. 212 с.
5. Айпин Е.Д. В ожидании первого снега. М.: Сов. Россия, 1990. 160 с.

6. Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.: Русло, 1993. 423 с.
7. Ругин Р.П. Избранное. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. 560 с.
8. Галаутдинова К.И. Повесть Р.П. Ругина «Сорок северных ветров»: Матер. НПК с международным участием «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...», посвященной юбилею М.К. Вагатовой (Волдиной) 23 января 2007 года. 2009. С. 16-19.
9. Цымбалистенко Н. Специфика мироощущения народов Севера и ее художественное воплощение в творчестве Р. Ругина // Бард снежной державы: Страницы жизни и творчества Р. Ругина. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. С. 34-53.

References

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki> [Elektronnyj resurs]. Data prosmotra 19.07.2012.
2. Sergeev E. Marginal'nost' // Filosofskaja jenciklopedija // <http://dic.academic.ru> [Elektronnyj resurs]. Data prosmotra 19.07.2012.
3. <http://www.univer5.ru> [Elektronnyj resurs]. Data prosmotra 19.07.2012.
4. Novozheeva I.V. Konceptija cheloveka v derevenskoj proze 1960-1980-h godov: po proizvedenijam V. Astaf'eva, F. Abramova, V. Belova, V. Rasputina, V. Shukshina. Dis. ... kand. filol. nauk. Brjansk. 2007. 212 s.
5. Ajpin E.D. V ozhidanii pervogo snega. M.: Sov. Rossiya, 1990. 160 s.
6. Ajpin E.D. Kljatvoprestupnik. Izbrannoe: Roman i rasskazy. M.: Ruslo, 1993. 423 s.
7. Rugin R.P. Izbrannoe. Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 2001. 560 s.
8. Galautdinova K.I. Povest' R.P.Rugina «Sorok severnyh vetrov»: Mater. NPK s mezhdunarodnym uchastiem. «Sorodichi, ja ne taju prekrasnoe ot vashih vzorov...», posvjashhennoj jubileju M.K. Vagatovoj (Voldinoj) 23 janvarja 2007 goda. 2009. S. 16-19.
9. Cymbalistenko N. Specifika mirooshhushhenija narodov Severa i ee hudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve R. Rugina // Bard snezhnoj derzhavy: Stranicy zhizni i tvorchestva R. Rugina. Ekaterinburg: Sred-Ural. kn. izd-vo, 2000. S. 34-53.